

Андрей Савченко

ПОЧЕМУ И ЗА ЧТО ЛЮДИ ПОПАДАЮТ В ТЮРЬМУ

Фигурально выражаясь, у нас, куда ни сунься, — везде Чечня, и в экономике, и в международной сфере!

(Из интервью Председателя правительства РФ В. В. Путина телеканалу ОРТ, 31 октября 1999 года)

Многое просто невозможно себе представить, а представленное не укладывается в голове.

(Из письма В. Путина, осужденного без вины)

Немного сообщу о себе. Чтобы понятны были основания последующих рассуждений. В 1973 году я закончил геологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, получил специальность — геолог, им и проработал 25 лет. В 1998-м небольшое геологическое предприятие (ТОО «Градиент»), в котором я был соучредителем, было ограблено могучим государственным предприятием, которое выступало в роли заказчика (мы — исполнители). В одночасье несколько человек остались без работы, без денег. Чтобы оспорить произошедшее в арбитражном суде, необходим был взнос, на который у нас не хватило сил. Нас собрался защищать известный адвокат, причем бесплатно, т. е. без аванса, т. к. он был уверен в победе на 99% и гонорар собирался получить после окончания процесса. К сожалению, в силу ряда обстоятельств процесс так и не начался. Податься было некуда, но тут В. Ф. Абрамкин — директор Центра содействия реформе уголовного правосудия — предложил мне заняться письмами заключенных, которые в Центр поступали в изобилии. С Абрамкиным я был знаком с 1988 года, а заочно примерно с 1978-го, когда о нем впервые заговорили «вражьи голоса». Я согласился, и вот уже десять лет это основное мое занятие — чтение писем заключенных и ответы на них.

Основа моих ответов — брошюры и книжки, которые издает Центр; это вспомогательная литература, которая помогает осужденным самим отстаивать свои интересы грамотно. Кроме того, я посылаю и некоторые другие материалы (распечатки различных законов и постановлений по теме письма). Как таковой переписки не веду ни с кем, исключение, может быть, составляют несколько человек, у которых пожизненное лишение свободы (ПЛС) и которые интересуются исключительно перепиской. Но даже им я посылаю брошюры, законы, конверты, открытки и т. п., т. е. все то, что можно послать письмом (с мая 2005-го вес письма ограничили до 100 г, что резко уменьшило наши возможности и увеличило финансовую составляющую на почту; раньше вес письма был до 500 г). По моим подсчетам на основе анализа поступающих писем, 1 000 брошюр срабатывает словно 20—25 первоклассных адвокатов (будем условно считать, что 980—975 гибнут втуне). А стоимость издания тысячи брошюр меньше, чем аванс, который затребует один адвокат и без всяких гарантий на успех.

Из всех поступающих писем я делаю выписки больших или меньших размеров или же конспектирую эти письма. Таких записей за 10 лет набралось около десяти тысяч. Выписки я делаю и для того, чтоб нижеследующие утверждения не показались голословными. Поскольку нередко приходится слышать из разных экранов, репродукторов и прочих углов, будто сторонники тюремной реформы *сами все выдумали*. Нет, не сами.

Пишут люди о самом разном. В последнее время жалоб на условия содержания стало поменьше, хотя без преувеличений можно сказать, что эти условия большинстве колоний по-прежнему приближаются к пыточным. Но и хорошие вести. Вот пишут, что в двух колониях тем, у кого ПЛС (они называют сами себя «пыжик»), разрешили в прошедшем году прямое хождение (естественное для Homo erectus), вместо прежнего, скрюченного, которое называют сами осужденные по-разному: «ласточка», «угол», «рак», «буква "Г"». Этих сточек» нередко можно увидеть по телевизору, в СМИ любят экзотику.

А поток жалоб на судебные решения не иссякает, а даже вроде и увеличился. В судебной сфере, что можно сказать без преувеличений, господствует разгильдяйство и беспредел (слово, пришедшее из пенитенциарной системы!)

В феврале 2008 года уполномоченный по правам человека в РФ В. Лукин представил свой доклад Президенту РФ, они сидели напротив друг друга, а мы их видели в профиль на экране, и Лукин сказал, что жалоб из области социальной сферы стало поменьше, а на суды — больше. Но доклад велик, всего перескажешь в обзоре новостей.

Да это и не новость. Еще несколько лет назад на одной из пресс-конференций в Политехническом музее, посвященной открытию нашей очередной ставки «Человек и тюрьма», один из замов начальника Главного управления исполнения наказаний (ГУИН, ныне ФСИН) В. И. Хомлюк

произнес крылатые слова: «Наш формально независимый суд является фактически безнаказанным». Увы, это так, и это основа произвола.

Суд и дело

Во-первых, и это самое главное, люди оказываются в тюрьме по решению суда. Вот то, что декларируется в Конституции России.

Статья 22

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.
2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может подвергнуться задержанию на срок более 48 часов.

Статья 118

1. Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.
2. Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.
3. Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается.

Есть, однако же, две категории узников, которые находятся в неволе по решению суда. Это несколько сотен младенцев в возрасте до трех лет, кот матери родили, уже будучи в заключении (в разное время примерно 500 человек). Есть и около тысячи человек тех, кого приговорили к смертной казни и кого должны были казнить, но потом передумали по разным причинам и несколькими указами Президента РФ Б. Н. Ельцина в 1998—99 годах их помиловали, заменив смертную казнь на пожизненное лишение свободы. Эти люди, в отличие от маленьких детей, сопротивляются своему правовому статусу, полагая, что сохранение им жизни не предел возможного, им хочется иметь не срочное наказание, а конкретный срок; как правило, речь идет о 15 годах лишения свободы, т. к. в то время, когда они совершали преступление, это максимальный срок и президент-де не имел права их помиловать так жестоко. Некоторые в письмах так и пишут: лучше бы нас казнили. Но, правда, пишут же, а не безмолвствуют, как другие — казненные.

Тюрьмой для простоты мы здесь будем называть все места лишения свободы, хотя Уголовно-исполнительный кодекс РФ (УИК) именуется «тюрьмой только специфический, самый строгий вид лишения этой самой свободы, же тех, кому судом назначается пожизненное лишение свободы, иногда сначала за «особые заслуги» суд определяет на несколько лет (3, 5, 10) в *тюрьму*. Этим подчеркивается, что уж строже некуда. С тех пор как в РФ введен м^с торий на смертную казнь (а с 01.01.1997 в РФ не был казнен по закону ни о человек), ПЛС с предварительным тюремным заключением — самое строгое наказание. И такое наказание в настоящее время отбывают порядка 2—3 т человек. Статистические данные разнятся, да и величина эта постоянно меняется в сторону увеличения.

Во-вторых, подразумевается, что человек, который попадает в тюрьму, должен нарушить закон, и так его нарушить, чтоб подпасть под действие Уголовного кодекса (УК) РФ: украсть, убить, распространить наркотик, получить взятку, наразбойничать, совершить изнасилование, изменить государству, правильно управиться с автомобилем и т. п. Всего в Особенной части УК больше 250 статей начиная с *Убийства* — ст. 105 и заканчивая ст. 360 — *Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой*, предусматривающих лишение свободы. И список этот постоянно пополняется, недавно были введены в УК ст. 228.1 (*Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или аналогов*) и 282.1. (*Организация экстремистского сообщества*) и т. п. Развернуться есть где. Один неверный шаг, и вы в тюрьме. Не зря среди нашего населения бытуют поговорки, вышедшие в том числе и из недр правоохранительных органов, которые-то на самом деле плоть от плоти нашего народа: *Был человек, а статья найдется; От тюрьмы и сумы не зарекайся; Дела у прокурор у нас — делишки*. Или такой лозунг, который годен для многих структур: *То, что, вы все еще находитесь на свободе, не ваша заслуга, а наша недоработка*. И это правда.

Вспомните события начала октября 1993 года, обстрел Белого дома из танков с набережной Москвы-реки, а потом кадры ТВ: растерянные и подавленные Р. И. Хасбулатов (председатель парламента) и А. В. Руцкой (вице-президент РФ) выходят из поверженной твердыни Дома правительства под конвоем автоматчиков: пошли в тюрьму! Из грязи в князи и обратно.

В Особенной части УК РФ предусмотрено пять составов преступлений, за которые может быть назначено ПЛС или смертная казнь, три из них предусматривают посягательства на жизнь. Ст. 277 — государственного или общее венного деятеля. Ст. 295 — лица, осуществляющего правосудие или проводящего предварительное расследование. Ст. 295 — сотрудника правоохранительных органов. Есть еще статья 357 — Геноцид. И, конечно, статья 105 ч. 2 — убийство с разного рода отягчающими обстоятельствами. А есть и ст. 264 УК, в которой предусмотрено наказание за нарушение правил дорожного движения, там при убийстве двух или более лиц вы можете получить срок до семи лет лишения свободы.

Но (см. во-первых) — и это самое главное, на мой взгляд — совершать преступление совершенно не обязательно, вас могут назначить преступником по тем или иным причинам те, кому раскрывать это преступление полагается, но не очень хочется или же может. А ведь многим и многим насущно необходимо показать (начальству и населению), что они не зря получают зарплату, жуют хлеб, поэтому надо быстро раскрыть преступление, надо срочно выполнить план поимки определенного количества преступников, надо кого-то зарвавшегося наказать, кому-то отомстить, а как-то оно не получается: или же просто из лени, или из-за неумения работать. (У нас не очень хорошо делают автомобили, неважно лечат, почему что-то другое должны обязательно делать лучше?)

А бывает и такое, что подозреваемый известен, но до названия его преступником дело не доходит, т. е. до суда его нельзя таковым объявлять, потому что это может отразиться на имидже страны, области, города, деревни, улицы. И тогда начинается поиск тех, кто мог бы сыграть роль преступника, чтоб народ поверил. Как правило, это социально уязвимые люди. Причем не обязательно бомжи, для большей убедительности в преступников наряжают тех, кто раньше был судим и не имеет достаточно средств для своей защиты. Народ верит, а это самое главное. У нас судят не с использованием Уголовно-процессуального кодекса, а по опросу общественного мнения у общества, которого нет. — *Как вы считаете: правильно ли осужден олигарх Х., на сокрытые от налогов деньги которого можно было купить сто тысяч шубок нашим неимущим пенсионерам?* — Несомненно! Речи вообще не идет о законности, речь идет о том, что такого как ни накажи, все мало будет.

Здесь мне хочется напомнить и такую простую вещь: надо отчетливо себе представлять, что закон придуман обычными людьми, для обычных людей, ими исполняется (не исполняется). Закон этот всегда не идеален, а соблюдение этого неидеального закона — недостижимый идеал. Законы — веши и маяки, которыми пользуются, например, судьи, прокуроры, следователи, чтоб совсем уж не заплутать при поисках истины, средств к существованию, справедливости, отмщения, новых званий, наград, преступников и проч.

Довольно хорошо и детально показана работа уголовного розыска и прокуратуры в многочисленных телевизионных сериалах, если посмотреть на нее со стороны проведения расследования, отвлекшись ненадолго от художественного вымысла. Прекрасно видно, что люди работают как ни попадя, почти не соблюдая уголовно-процессуального закона (УПК), а преступников ловят только благодаря своей невероятной сообразительности, обаянию, крепким мышцам и неизменной удаче, которая сопутствует смелым. В этом реализм и даже натурализм сериалов, которые так полюбились нашему народу, который в основной массе своей так и думает: незачем попугать и побить предполагаемого преступника, если он такой плохой. Что в том плохого, если бравые и симпатичные парни с девушками хотя бы на экране разделяются с негодяем.

Обычная сцена из фильма: следователь предлагает провести недешевую экспертизу, т. к. не уверен — того ли поймали и собираются упечь в тюрьму.

Прокурор отвечает вопросом: «На свои деньги экспертизу будете проводить?» Разговор закончен. И в приговорах, которые мне присылают многочисленные корреспонденты, часто приходится читать: кровь на одежде *может* предположительно принадлежать такому-то. (А может и не принадлежать, т. к. точнее установить нельзя — излишества дорогие, а все на этом *может* или *не может*, по сути, и висит, это все из жизни, будни.)

Иногда дело может быть «заказным», а такие дела существуют на уровне города, района, области, страны. Это означает, что кого-то надо во что бы то ни стало посадить, чтобы показать другим, что закон работает, или показать, как бывает с непослушными, чтоб другим неповадно было.

Буквально на днях прочел обширнейшее и растерянное сообщение от преподавателя вуза большого приволжского города, кандидата наук. Его осудили за взятку именно по той самой причине, что он взятку не брал, т. е. оказался оборотнем (наоборот). Все берут, а этот чистолюбой не брал, хотя жил бедно. Дело сначала сварили выше поставленные коллеги (составили «рыбу»), а потом сюжет передали в милицию и правоохранительные органы, которые не подвели, состряпали «неплохое» дело, а суд повел себя по-судейски — не вышел за рамки предъявленного обвинения ни в одну сторону.

Тем заключенным, к кому я обращаюсь впервые, помимо всего прочего, пишу так называемые стандартные строки, напоминая о реализме действительной жизни, среди них есть и такие:

Суды в РФ; общие сведения. Стандартные строки-2.

В 2000 г. оправдательные приговоры в РФ составляли менее 0,4% от общего числа приговоров, а в 2002 г. — 0,8%. Это красноречивые цифры, кажущиеся неправдоподобными, и это означает, что дело решается уже на этапе досудебного следствия, и это же означает, что (при таком КПД) суд попросту не нужен, потому что это очень дорогое и неэффективное заведение; 99,2% обвинительных заключений в 2002 г. превратились в обвинительные приговоры (с вариациями). К тому же, на оправдательные приговоры прокуратура в сотни (!) раз чаще приносит протест, чем на обвинительные. Как говаривал один немолодой адвокат — «суд и прокуратура в советские времена были канцелярией при МВД, дела оформляли, по большей части, так оно и теперь». Весной 2003 года по каналу ТВЦ выступал известный московский судья (бывший) Сергей Анатольевич Пашин (была такая передача «Тюрьма и воля», вел ее Александр Политковский), который вскользь заметил: «Если вас на улице задержал сержант и сказал: "Ну, парень, ты получишь пять лет", — то будьте уверены на 99%, что так и будет».

Несколько лет судья Сергей Пашин вел на телевидении (ОРТ) среди прочих ведущих ежедневную просветительскую игровую программу «Федеральный судья», где показано на конкретных примерах, как приблизительно должен выглядеть судебный процесс. Однако многие мои корреспонденты, которые сами прошли настоящие процессы и смотрят эти передачи изнутри системы, страшно возмущены, считая, что это показуха, с помощью которой дурят народ и прельщают глупый и дикий Запад. Им и в голову не приходит что-то другое, другой возможный вариант — почему это показывают, кому и зачем. Они ведут себя примерно так же, как и следователи, утыкающиеся в одну версию.

Вот небольшой конкретный пример проведения следствия и суда, в результате которых почти все, кроме осужденного, оказались довольны.

У меня есть один корреспондент Г., который имеет пожизненный срок, помиловали после приговора к смертной казни, сидит он уже 18 лет. Он, выпивши, шел по улице большого уральского города, ему был 21 год, он пристал к девушке днем и в людном месте. Приставания пьяного девушке не понравились, тут и милиция неподалеку вертелась. Парень попал на 15 суток за мелкое хулиганство. В городе этом на беду Г. орудовал маньяк. И милиционерам пришла в голову простенькая и продуктивная мысль — а не маньяк ли Г., часом? Они с ним «поработали», применяя недозволенные методы (что потом никак не подтвердилось при проверке прокуратурой), и мелкое хулиганство стало уголовным хулиганством, потом добавили покушение на убийство, потом еще «поработали», и получилось шесть-семь убийств, в которых Г. сам и признался. Как он мне писал: *«рассчитывал на суд, т. к. боялся погибнуть в КПЗ до суда»*. А на суде его уже никто не слушал, даже напротив — возмущенная общественность слова не давала сказать, требовала смерти маньяка на месте, прямо расправы в здании суда, четвертования и т. п. Даже собственные его родственники ему не поверили, так был силен психоз толпы, которой компетентные органы объявили свое мнение, подключив услужливые СМИ. Уже дважды (в 1997-м и в 2000 годах) Комитет ООН по правам человека обращался в Генеральную прокуратуру РФ с просьбой все же пересмотреть, что же там такое было на самом деле. Но ответы были примерно такие: *«проверки проведены, все в порядке, пытки исключены, не верьте маньякам, не парьтесь и не сохните из-за них, обций привет. И все. А теперь, коль миновало столько лет и, как писал поэт, «иных уж нет, а те далече»; картину не сможет восстановить даже самый искусный реставратор. Тем более, если эта картина станет позором.*

Тот же Пашин в одном из своих выступлений по ТВ когда-то сказал золотые слова: «Я в суде не истину устанавливаю, а проверяю — доказано ли обвинение». И это то, что можно было бы назвать девизом каждого судьи. А ведь большинство судей (и они об этом нередко и настойчиво заявляют) полагают, что в суде *устанавливается истина*. Так и в приговорах пишется, про истину. Можете себе представить человека, который *так* думает всерьез, и что в таком случае он думает о самом себе, о своем судейском месте во Вселенной? Да еще и мантия на плечах... Как тут не вспомнить полотно Николая Ге «Что есть Истина?» и пресловутый «белый плащ с кровавым подбоем».

В последние год-два число оправдательных приговоров как будто увеличилось за счет введения почти повсеместно суда присяжных (исключение все еще составляет Чечня), но нет привычки к оправданию, поэтому часто прокуратура добивается отмены оправдательного вердикта присяжных с большой легкостью (что практически не под силу обычному человеку), пытаясь довести до абсурда наличие любого суда вообще.

Яркий тому пример — всемерно освещаемое и изрядно известное дело Ульмана (преступление в Чечне), когда дважды оправдательный вердикт присяжных прокуратура опротестовывала успешно. И слушания идут уже в третий раз и уже не с присяжными; правда, сам Ульман *сгинул, аки обры*. В дело вступают политики и диктуют прокуратуре, а она фактически независимому суду: надо сделать так, чтоб не обидеть чеченцев. Вероятно, это правильное желание — не обидеть чеченцев, уж и так наобижали власть.

Но где тут суд? Где судебная власть? Идею суда в РФ поведение прокуратуры (исполнительной власти) дискредитирует на все сто. Благое намерение, если можно так выразиться в данном случае, оборачивается своей неприглядной изнанкой. Стало быть, раньше надо было об этом думать, не надо было отдавать это дело присяжным, понимая и подоплеку дела, и психологию обывателей (здесь: присяжных). А так обычный человек, не вдаваясь в детали, все видит и слышит с телеэкрана и думает: что хотят, то и воротят. Хотят упечь - упекут, десять раз отменяют вердикт присяжных, который, в принципе, простому смертному опровергнуть практически невозможно. Вот и дышло закона, прямо в морду, мягче не скажешь.

То же самое и с делом физика Валентина Данилова, которого, вероятнее всего, назначили шпионом. Поначалу прокуратура запросила 20 лет, а суд присяжных признал его невиновным — 0 лет. Буквально через полгода, после протеста прокуратуры, нашедшей изъян в составе корпуса присяжных, суд присяжных в другом уже составе признал физика виновным, и Данилов, краса и гордость российской науки, получил свои 14 лет. Как говорят в рекламе: прочувствуйте разницу — ноль лет и четырнадцать. Сиди — наслаждайся. Но тут, правда, немного другое дело — Даниловым занимались люди из касты непогрешимых, те, кто не ошибаются, ФСБ. Помните, как писал Велимир Хлебников: «Я тот, кого не беспокоят...»

Как свидетельствуют специалисты, в т. ч. и сами представители пенитенциарной системы, от 50 до 75% тех, кто находится в тюрьме, могли бы там и не находиться, их можно было бы наказать условно, но как-то у нас не принято, все идет по принципу — попался и пропади. Тем более, если человек попадает в предварительное заключение, в следственный изолятор (СИЗО), к примеру, а потом оказывается, что он не виноват, то ему стараются все же начислить срок, так сказать, чтоб государство не оскудело, а то он вдруг компенсацию запросит за бесцельно прожитые дни, месяцы и даже годы. А в СИЗО нередко помещают для того, чтоб следователю было проще работать: не повестки выписывать, пока рука не отсохнет, и ждать: придет, не придет, а позвонил в СИЗО, и конвой доставил, или сам туда съездил.

Лет десять назад В. Ф. Абрамкин, директор Центра «Содействие», выдвигал такой тезис: если взять произвольных сто человек с улицы и заменить их на таких же сто на зоне, никто этого и не заметит, потому что разница между ними будет почти незаметной.

Россия стоит на одном из первых мест в мире по количеству заключенных на душу населения (примерно 600—800 человек на каждые 100 тыс.), немного уступая сегодня по этому показателю США, но не исключено, что завтра Россия снова станет лидером. В настоящее время в РФ больше заключенных, чем в остальной Европе, которая превосходит Россию по населению раза в три-четыре. Китай в восемь-десять раз превосходит РФ по населению и всего в полтора-два раза по количеству заключенных. В Индии, население которой в восемь раз больше, чем население РФ, количество заключенных почти втрое меньше, чем в России. В настоящее время в заключении в РФ находится примерно 900 тыс. человек; иногда эта цифра (в обозримом прошлом) превышала 1 млн. человек (иногда, после мощной амнистии 2000 года, опускалась чуть ниже цифры 800 тыс. человек).

По таким показателям, как количество осужденных на душу населения, к РФ (и США) приближаются только ЮАР и некоторые страны бывшего СССР (республики Прибалтики, республики Средней Азии и Казахстан, Молдавия, Белоруссия), но в них все же количество осужденных на душу населения в среднем в полтора-два раза меньше.

Тюрьма и воля в России — сообщающиеся сосуды, и это особенно чувствуется по тому, что жаргон эзков выходит на самые верхние ярусы российской политики и просто-таки брызжет с ТВ-экранов. А жизнь в стране «по понятиям» никуда не делась с тех самых 90-х, она просто видоизменилась, замаскировалась, да и маски никто не снимал.

Когда-то в советские времена были грезы и посулы, предвещающие скорый коммунизм, говорили о светлом будущем, о том, как сотрутся грани между умственным трудом и физическим, между женщинами и мужчинами, между городом и деревней. И времена эти пришли. Стерлись многие грани, жизнь становится все круглее, почти стерлись грани и между преступниками и правоохранительными органами. Часто вопрос «кто есть кто?» неуместен, потому что определенного ответа нет. Естественно, чаще всего ломает автомобиль шофер, т. к. он с ним работает, это верно и в отношении тех, кто непосредственно работает с уголовным законом (МВД, прокуратура, суд).

Есть разные мнения, почему Россия стала такой тюремной страной, а надо отметить, что в начале XX века в России было в десять раз меньше заключенных на душу населения, чем ныне, и по этому показателю мы находились на одном из первых мест в Европе — сейчас, через сто лет, в начале следующего века, — на последнем.

Вероятно, основная причина (если говорить с точки зрения причинно-следственных отношений) кроется в том, что в XX веке на многие десятилетия обратились к кумирам, которым было позволено творить все, что ни заблагорассудится. И не только, как понятно, эти тираны-кумиры были во всем виноваты, но и само население, которое вытолкнуло их на поверхность из недр своих и во власть, подчинялось им, подыгрывало и, в основном, продолжает это делать и сейчас. А ломать — не строить. Трудно родить человека, вырастить его, воспитать, но пуля в единый миг уничтожает то, что создавалось десятилетиями. Трудное, долгое и кропотливое дело — привыкать жить по закону.

В прошлом году случайно где-то прочел фразу, которая была написана в 1918 году по поводу тогдашних событий, но годна в России на все времена: «Власть уничтожает тех, у кого ее нет».

Нет у нас уважения к человеку, все заботы — об укреплении государства, поэтому людишки отдельные с их жалкими проблемами мало кого интересуют. Есть мнение, что не будет крепкой вертикали — не будет России. Вот тут и выбирай, чего желаешь. Пока пытаются выбирать государство, хотя, если говорить по большому счету, половина этого государства уже отвалилась, отпала в 1991 году. И теперь так называемых этнических русских (вполне размытое понятие), наверное, больше за границей, чем в пределах РФ, но их для удобства называют хохлами, грузинами, казахами, евреями, узбеками и т. п., чтоб не думать о них вовсе. Какое дело до чужих? Впрочем, это чуть-чуть другая тема. Но замечу, что есть тут и схожесть. Точно так же не думают о зэках, о тех, кто за колючкой. Отторгли их, как бывшие братские народы из единой семьи, и забыли. Как у Бродского сказано по этому (или по похожему) поводу: «Любовь сильнее разлуки, но разлука длинней любви».

Случайные вины

Основной вид преступлений в РФ — преступления против собственности (кража, грабеж, разбой, вымогательство, мошенничество и т. п.), эти преступления составляют 70—75% от общего числа преступлений. Кроме того, в России совершается около 30 тыс. убийств в течение года; растет число преступлений, связанных с наркотиками. Здесь, правда, статистика представляется размытой, поскольку наркоманов, как правило, с помощью спланированных провокаций (контрольных закупок) выдают за торговцев наркотиками, а настоящих торговцев или не могут поймать, или не желают. Это вообще отдельная тема - провокация, ловля на живца без разбору.

Если говорить о совершенных преступлениях, то, возможно, имеет смысл говорить о тяжких и особо тяжких преступлениях. Особо тяжкими преступлениями по Уголовному кодексу считаются преступления, когда срок наказания, предусмотренный той или иной статьей, превышает 10 лет лишения свободы. А тяжкие — от пяти до десяти лет. Под категорию особо тяжких подпадают убийства, разбойные нападения с отягчающими обстоятельствами, терроризм, торговля наркотиками и т. п.

Сами же преступники, буде они совершили особо тяжкое преступление — убийство, как правило, совершают его в состоянии алкогольного опьянения, особенно характерно то, что в основном убивают родичи друг друга: муж — жену, жена — мужа, сын или дочь — мать, брат — брата, внук — бабушку и т. п. Или же (на втором месте) знакомые или друзья убивают, отмечая радость встречи. Эти убийства «с применением алкоголя» составляют примерно 75—80% всех убийств, если не больше.

Типичная картина из письма моего корреспондента в свое оправдание: «Я встретил товарищей, которых давно не видел, мы решили это дело отметить, купили спиртного, пошли ко мне домой; мы сидели за столом, потом начали спорить». Дальше воспоминания теряются в извилинах строчек и мозга, но суть в том, что утром один из друзей обнаруживается в виде трупа и никто не помнит, что было и как оно так вышло. Начинаются фантазии, дескать, друг вышел на лестницу покурить, там встретил нехороших соседей, которые его убили, «а потом занесли в мою квартиру» и были таковы. Короче, вывод общий в конце такого письма: в споре рождаются трупы, «напрасно мы заспорили».

Вот небольшой отрывок из совсем недавнего письма, рассказ о том, как начиналось очень жестокое преступление — убийство женщины.

Я и Вася О. 8.06.2005 *распили бутылку вина и пошли за ним снова в магазин, мы купили 2 бутылки вина и пошли ко мне домой, чтоб распить, но не доходя до моей квартиры у соседнего дома у подъезда сидели 3 женщины и распивали спиртное. Мы проходили мимо и Вася предложил присесть рядом и выпить. Мы, конечно, спросили у женщин, можно ли присесть рядышком, а они увидели, что у нас 2 бутылки вина и сказали, что «вы нам не мешаете». Входе распития*

женщины пили свое вино, а мы свое. У женщин кончилось вино и мы их угостили своим, в результате этого произошло знакомство.

Дальше — вино было куплено еще и еще, пошли пить на квартиру к кому-то, и в результате утром одна из женщин оказалась убитой, никто и ничего не мог вспомнить толком. Оперативники, не желая разбираться в деталях, подсказали, кто бы это мог быть и как было дело. И, в общем, без особых разбирательств составили протокол на одного из участников пьянки, который ныне твердо уверен, о чем и пишет мне, что он оговорен, а дело сфабриковано. Может быть.

Иногда убийцами людей назначает следствие, а затем (автоматически) суд. Причина простая — неохота копать и возиться, надо скорее отчитываться, а тут уже есть преступник, неплохо было бы ему еще чего-то «навшать», чтоб побольше «раскрылось» преступлений. Он совершил кражу и не отпирается, но мог и убить, да, наверное, и убил. Вот что написал мне недавно вор, совершивший квартирную кражу. Он был пойман с поличным, но его наградили и убийством, которое ни по доказательствам, ни по логике произойти не могло (поскольку это было в другом городе и примерно в то же самое время). Однако, и по той же самой логике, судья не мог подвести следователя, который «нашел» убийцу.

Следует подчеркнуть, что судья 3-е М., который осуществлял правосудие и выносил указанный обвинительный приговор, заведомо знал, что уголовное дело сфабриковано. Знал, но, тем не менее, вынес обвинительный приговор и лишил меня всего — свободы, семьи, будущего, в общем, всего, чего можно лишить человека. В судебном заседании я наивно верил, что наш суд, хоть и не гуманный, но беспредела не допустит. Допустил. К сожалению, в 2000 г. я не знал ни одного закона... «Года прошли, я в возрасте ином, и чувствую, и мыслю по-иному».

Человек этот получил 20 лет лишения свободы, восемь с хвостиком из которых уже отбыл. Да, он совершил преступление, кражу. Он был пойман, но попал, что называется, под раздачу, по закону он мог бы получить три-четыре года лишения свободы максимум. Мне приходилось не единожды говорить со знакомыми об этом случае. Могут отметить: не у многих из тех, с кем я беседовал, его судьба вызвала сочувствие, мол, поделом, он же вор. Да, вор, но зачем же 20 лет?!

Необходимо отметить, что огромное большинство подозреваемых, обвиняемых и подсудимых не имеет возможности нанять адвоката, поскольку услуги его стоят довольно дорого. Вот характерные слова, здесь их пишет Иванов Е.:

Адвокат мне предлагал за умеренную плату помочь за короткие сроки. Но сумма, которая для него была умеренная, для меня оказалась астрономической. И поэтому меня защищал дежурный адвокат.

А назначенные защитники, как правило, превращаются в полузащитников, а то и в нападающих, т. е. начинают сотрудничать со следствием, а не с обвиняемым. Даже процессуально защита не является в нашем уголовном процессе равноправной стороной, а многие защитники, помимо всего прочего, небезосновательно опасаются местной власти (прокуратуры, МВД, мэров и т. п.) и совсем не желают грудью прикрыть своего клиента за бесценок, ради той самой справедливости, предпочитая собственное спокойствие и благополучие. И обвинять людей в том, что они не геройствуют, невозможно.

У меня есть корреспондент, имеющий адвоката, адвокат точно знает, что его подопечный не совершал убийства и даже с большой долей вероятности знает о настоящем преступнике, но в своих речах и писаниях он не пошел дальше некоей черты, за которой могут начаться необратимые процессы уже для него самого. В жизни всегда есть место подвигу, но не каждый готов его совершить, так сказал мне этот адвокат, прозрачно намекая на то, что его уже «предупредили» те, кто «раскрыл» преступление.

Многие, оказавшись в заключении случайно, потом попадают туда уже совсем неслучайно, потому что оказаться снова в колонии после выхода из этой самой колонии сравнительно просто, особенно утратив на воле социальные и родственные связи. А у многих этих родственников связей не было и раньше, и, выйдя на волю, человек должен или быстро погибнуть, или влиться в преступный коллектив, или стать бомжем, или вернуться в тюрьму, т. е. вернуться под опеку государства (и кров, и пища). Как ни странно, этот последний вариант — и самый честный и рациональный выход, но для человека, а не для государства. Вот и еще отрывок из недавнего письма:

Приехал я в другую колонию, где сидел раньше, приняли меня хорошо, повстречал всех знакомых, как будто они и не освобождались никогда, живут там.

Назначение огромных сроков наказания с неясными целями ведет к совершенно ясному результату — количество кадров для тюрьмы неуклонно растет, поскольку кадры эти в заключении куются для самой системы: для милиции, судов, уголовно-исполнительной системы (т. е. для тюрем). Можно

было бы понять как-то логически, если б людей вообще не выпускали из мест заключения, такая политика, конечно, не могла бы быть оправдана, но ее можно было бы понять. Но получается так, что людей (а преступники обыкновенные люди, которые преступили закон намеренно или же случайно попали в заключение) доводят до озверения и выпускают, буквально выплескивают обратно в общество, из которого они пришли в тюрьму. Но из мест заключения они выходят почти дикими и страшными нигилистами. Это не Базаровы, это те, кто якобы «отвечает за базар», а на самом деле не отвечает ни за что, поскольку никакого исправления в исправительных учреждениях не происходит, хотя кого-то удается запугать. Помнятся знаменитые слова Варлама Шаламова из «Колымских рассказов» («Красный крест»): «Лагерь — отрицательная школа жизни целиком и полностью. Ничего полезного, нужного никто оттуда не вынесет, ни сам заключенный, ни его начальник, ни его охрана, ни невольные свидетели — инженеры, геологи, врачи, — ни начальники, ни подчиненные. Каждая минута лагерной жизни — отравленная минута. Там много такого, чего человек не должен знать, не должен видеть, а если видел — лучше ему умереть». Кабы люди жили хотя бы по тысяче лет, возможно, 10—20 лет в колонии как-то могли бы человеком быть использованы в дальнейшем для своего развития. Беда в том, что сроки наказания-насилия сопоставимы по размерам с длиной человеческой жизни.

Государство гробит само себя, или гробит страну, или народ свой гробит? Гробит и гробит. Унылая пора, но нет очарованья.

Вот что я прочел позавчера в письме одного из узников:

За украденную из рук сумку дают блет, те, кто назначает такие срока, даже понятия не имеют, что такое даже 4 года в наших зонах. Основная масса заключенных деградирует уже необратимо!

Уголовное законодательство регулируется, в основном, тремя кодексами. Уголовный кодекс (УК) говорит нам, за какие провинности человек несет уголовное наказание. Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) регламентирует то, как должно исполняться наказание. С этими двумя кодексами все более или менее понятно.

Но есть и третий кодекс, Уголовно-процессуальный (УПК), который, на мой взгляд, является вообще самым важным кодексом в РФ. Этот кодекс говорит о том, как надо вести следствие и отправлять правосудие, какие должны соблюдаться при этом нормы. И там написано, какие полномочия у адвоката, кто может быть понятым, кто такие подозреваемый, обвиняемый, свидетель, что можно делать, чего делать нельзя и т. п. Если этот кодекс не соблюдать, то любого человека по желанию, скажем, милиционера можно назначить преступником и упечь в тюрьму.

Вот что сказал около двух лет назад по поводу УПК генерал юстиции Уполномоченный правительства РФ при ЕСПЧ Павел Лаптев, выступая перед председателями судов РФ: «Суды общей юрисдикции должны учитывать прецедентную практику Европейского суда, и это избавит нас от многих нежелательных последствий. Нужно соблюдать собственное процессуальное законодательство, которое не только часто нарушается, но подчас вообще игнорируется».

Пример из жизни, из моих писем. Человек стоял на автобусной остановке в одном из областных центров Европейской России, там же неподалеку стояли еще несколько человек; произошла пьяная драка, и в драке один человек из числа ожидающих автобуса, был убит; убийца немедленно сообразил, что делать: отбежал, остановил неподалеку такси, сел в него и уехал. Мой корреспондент вызвал милицию, дождался ее, милиция приехала и, не став особ вдаваться в подробности, вызвавшего и схватила, и он получил 11 лет, к моменту написания письма уже отсидел три года. Свидетели что-то мямлили, потом дознаватели оформили эту невнятицу протоколами вполне определенно направленности. Никакого расследования фактически не проводилось, был проведен допрос свидетелей и составлены нужные следствию протоколы.

Говорят, что в среднем в мире доля судебных ошибок составляет величину порядка 5—10%. Ну, предполагается, что в России эта величина немного больше 10—12%. Я веду переписку примерно с сотней тех, кто получил пожизненное лишение свободы, могу с достаточной долей уверенности сказать, что три-четыре человека из них не были даже свидетелями по тому делу, по которому они получили высшую меру.

Директор Центра «Содействие» В. Ф. Абрамкин нередко говорил, что УПК — непонятный для нашего народа кодекс. Какие уж там процессии и церемонии, если человека схватили, чего с ним цацкаться? В УК все понятно то нельзя, это нельзя. А тут что? Не привился у нас пока этот ритуал. Перед) приходится слышать от оперативников, что-де если бы мы ловили преступников в белых перчатках, то все бы они гуляли на свободе. И это популистское пустопорожнее заявление перевешивает все. И никто не вдумывается в то, что если УПК не соблюдается в полной мере, то

именно преступники-то и разгуливают на воле, а оперативники совершают преступления служебные и уголовные.

Получается, что можно любого человека побить и — «преступник пойман: сам себя оговорил, опасаясь немедленной гибели от побоев, а самооговор царица доказательств. Это не только во времена А. Я. Вышинского так было так оно и сейчас. Чего, как говорится, огород городить с каким-то УПК? Уз дает задержанный признательные показания. Нередко в телевизоре бойкий ведущий произносит такую фразу: «Начал давать признательные показания Потом выводят пред ТВ-камеру из камеры предварительного заключения этого давальщика, на котором нет живого места, а народ, зрительская масса и рада — поделом, попался! Тот ли, не тот — не важно. Порок наказан, и показам даются. Я не говорю, что так бывает всегда, я говорю, что такого очень много. Как говаривал когда-то известный правозащитник А. Бабушкин: «Пытки на Москве так же распространены, как грипп зимой». А пытки — это злостное ярушение УПК, т. е. по сути тоже преступление. И здесь вам найдут изворотливые опера отговорку: клин клином надо вышибать.

Когда-то в частной беседе милиционер большого сибирского города говорил, что да, такое бывает, что есть преступление, раскрыть которое почти невозможно, тогда следственные органы очерчивают круг тех, кого подозревают, кто может знать преступника, бывает, что там, в круге этом, уже и есть преступник. Всех задерживают и всех начинают колошматить в застенках даже без оформления каких бы то ни было документов, называя это предварительным опросом. В партии испытуемых-избиваемых бывает до десяти-двадцати человек. Очень быстро находится слабое звено, а само это действие потом уже будет называться оперативной разработкой. И после этого кто-то делано удивляется, что у нас люди боятся милиции. Правда, таких удивляющихся все меньше.

Вот совсем свежий пример на ту же тему от моего корреспондента В. П., который из одиннадцати лет наказания отбыл уже девять:

Стандартная ситуация: есть труп, нужен виновный, забирают четверых рядом живущих — и под пресс. Один готов на все — вот и свидетель-очевидец, дальше все в обвинительном уклоне, суд — формальность. Вышестоящие инстанции даже в приговор толком не смотрят. Нас в кассационном суде завели 5 чел. и вывели через 8 мин., время засекали.

Или яркий пример беззакония: пресловутая борьба с наркотиками, которая стала в России опаснее самих наркотиков. Ловят, как правило, с помощью узаконенных провокаций (контрольных закупок) наркоманов и выдают их за наркоторговцев. С наркоторговцами и связываться бывает опасно, да и они могут быть теми самыми курами, которые несут золотые яйца для милиции (об этом по ТВ показывают уже документальные фильмы). А так — все довольны, даже родственники наркоманов: лучше пусть живут в тюрьме, чем умирают на воле. Только летом 2006 года Верховный суд РФ «догадался» разъяснить, что если «наркобарон» продает наркотик подставным лицам (милиционерам), то по логике вещей получается, что милиционер им и пользуется, наркотиком этим, т. е. судить надо и его. Было издано постановление ВС РФ, рекомендации нижележащим судам: контрольная закупка — не сбыт наркотиков, а попытка сбыта, т. е. наказание спровоцированным наркоманам было завышено примерно на треть. Ну, стали суды исправно применять это постановление, сроки стали поменьше. Но ведь судили и судят по-прежнему и в основном наркоманов, т. е. последних в этой цепочке, крайних, кого лечить надо, а не запирать на 8—10 лет. Но — кампания идет.

Читал как-то интервью с губернатором Кемеровской области А. Тулеевым. Он предлагает торговцев наркотиками расстреливать. То ли он не знает, что эти люди-торговцы в основном недоступны правосудию, то ли просто нрав такой у человека свирепый!

Но в России есть узаконенный и самый распространенный наркотик — водка. Если посчитать ущерб от водки и от прочих наркотиков, то можно считать, что других наркотиков попросту нет, настолько доля их в общем ущербе невелика. Я не приветствую наркотики (героин, кокаин, марихуану и т. п.), но вижу ежедневно и рядом, что водка во сто крат опаснее. А ее считают предметом национальной гордости; увы нам, но это как раз то, что мы умеем хорошо делать — пить водку.

Можно ли проводить какой-то анализ и делать выводы? Не знаю. На мой взгляд, в мире нет причинно-следственных связей, они присутствуют только в наших головах. Мир перед нами, как данность, мы же, пытаясь его постичь, клювом логики вытаскиваем из него то или это и обобщаем, анализируем, делаем выводы, даем рекомендации. Так мы устроены. Цена этим рекомендациям, как правило, — грош, потому что они даются в таком ключе: вору — не воровать, рыбаку — не рыбачить и т. п. Помнится, когда-то в результате анализа хотели спасти Каспий, но не успели, Каспий усыхающий разлился пуще прежнего. Удалось лишь людям загубить Кара-Богаз-Гол. Но теперь это другая страна и никто не вспомнит ни о самом уникальном заливе, ни о повести Паустовского.

Но один основной вывод сделать несомненно можно: надо меньше судить, вернее, засуживать; надо быть милосерднее всем нам. Недавно прочел слова Э. Рязанова: «На свете нет ничего по-настоящему важного, кроме милосердия».

И надо сделать так, чтоб и суды, и уголовно-исполнительная система были более прозрачными для всего населения.

У В. Абрамкина есть такой тезис-лозунг — *вернем тюрьму народу*. Это очень точное выражение, которое обобщает в себе то, что можно и нужно дел; Для начала, скажем, необходимо, чтобы в Думе был принят закон об обще венном контроле, залежавшийся там на долгие годы, который позволил бы только правоохранительным органам самим себя контролировать и наказывать, но и людям непредвзятым и сторонним видеть и контролировать то, я делается келейно и совсем не в интересах народа, страны и государства. Наверное, есть мощное лобби в российском парламенте, которое не позволяет это уже готовый к употреблению закон принять, предпочитая его мариновать, настаивать, сушить и т. п., чтоб потом можно было сказать, что он уже не соответствует веяниям времени и пора бы заняться придумыванием другого.

Миру грозят катастрофой глобального потепления. Как бы сказал Лев Толстой: «Они пугают, а мне не страшно». Даже если очень потеплеет, у нас будет все еще холодно. Ну, конечно, если мы вообще будем и нас не пожрет тюрьма и время. Россия взрастила себе монстра, с которым все труднее справляться). Не зря все тот же Абрамкин выдвигал лозунг: *остановим тюремный Чернобыль*. Его можно остановить с помощью разумных законов, с помощью любви и милосердия, которого всегда мало, вернее сказать, не бывает много.

Источник: журнал «Отечественные записки», №2, 2008.